

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94. (510) (572.2)

DOI: 10.35254/bhu/16948130_2021_55_30

Абулаити А.

*Бишкекский государственный
университет им. К. Карасаева,
аспирант*

**ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КНР СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1983-1994 ГГ.:
ВЗГЛЯД ИЗ КИТАЯ**

Аннотация

Статья посвящена историческим предпосылкам становления и развития китайско-центральноазиатских отношений. Одной из важных предпосылок формирования торгово-экономических взаимоотношений между Китаем и странами Центральной Азии является советский период, во время которого страны данного региона находились в составе СССР. Во время «перестройки» начинается медленное экономическое сближение КНР и советской Центральной Азии, что стало основой для развития торгового сотрудничества в последующий период. Появление пяти независимых государств в центральноазиатском регионе в 1991 г. стало ключевым фактором развитию трансграничной торговли между западными регионами КНР и странами Центральной Азии. Основная роль в развитии торгово-экономических отношений переходит в руки так называемых «челноков», которые существенно расширяют возможности торговли между КНР и странами региона.

Ключевые слова: *Китай, СССР, Центральная Азия, Кыргызстан, экономические отношения, трансграничная торговля, реформы Дэн Сяопина, “Перестройка”, челночные трейдеры, Синьцзян.*

**КЫТАЙ ЭЛДИК РЕСПУБЛИКАСЫ МЕНЕН БОРБОР АЗИЯ МАМЛЕКЕТТЕРИНИН
ОРТОСУНДАГЫ СООДА-ЭКОНОМИКАЛЫК МАМИЛЕЛЕРИНИН ОНУГУШУНУН
ТАРЫХЫЙ ОБОЛГОЛОРУ**

Кыскача мазмуну

Макалa Кытай-Борбордук Азия мамилелеринин калыптанышынын жана өнүгүшүнүн тарыхый өбөлгөлөрүнө арналган. Кытай менен Орто Азия өлкөлөрүнүн ортосунда соода-экономикалык мамилелерди түзүүнүн маанилүү өбөлгөлөрүнүн бири бул аймактын өлкөлөрү СССРдин курамында болгон советтик мезгил болуп саналат. «Кайра куруунун» мезгилинде КЭР менен Советтик Борбордук Азиянын ортосунда жай экономикалык жакындашуу башталды, ал кийинки мезгилде соода кызматташтыгын өнүктүрүүгө негиз болду. 1991-жылы Борбордук Азия чөлкөмүндө беш көзкарандысыз мамлекеттин пайда болушу КЭРдин батыш аймактары менен Борбордук Азия өлкөлөрүнүн ортосундагы чек ара соодасынын өнүгүшүнүн негизги фактору болуп калды. Соода-экономикалык мамилелерди өнүктүрүүдөгү негизги роль КНР менен региондун өлкөлөрүнүн ортосундагы соода мүмкүнчүлүктөрүн кыйла кеңейткен «челнок соодагерлери» деп аталган адамдардын колуна өтөт.

Түйүндүү сөздөр: *Кытай, СССР, Орто Азия, Кыргызстан, чек ара соодасы, Дэн Сяопиндин реформасы, “Кайра куруу” (“Перестройка”), алып атарлар, Шинжан- Уйгур автономдук району.*

**PRECONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS AND
TRADE BETWEEN THE PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA AND THE CENTRAL ASIAN
COUNTRIES IN 1983-1994: A LOOK FROM CHINA**

Abstract

The article is devoted to the historical preconditions for the formation and development of Sino-Central Asian relations. One of the important prerequisites for the formation of trade and economic relations between China and the countries of Central Asia is the Soviet period, during which the countries of this region were part of the USSR. During the «perestroika», a slow economic rapprochement between the PRC and Soviet Central Asia began, which became the basis for the development of trade cooperation in the subsequent period. The emergence of five independent states in the Central Asian region in 1991 became a key factor in the development of cross-border trade between the western regions of the PRC and the countries of Central Asia.

Key words: *China, USSR, Central Asia, Kyrgyzstan, economic relations, cross-border trade, Deng Xiaoping’s reform, “Perestroika”, shuttle traders, Xinjiang.*

Современные торгово-экономические отношения КНР и Кыргызской Республики, а также других республик Центральной Азии достигли нового этапа и продолжают непрерывно развиваться, в значительной мере ускоряясь на фоне развития китайской инициативы «Один пояс — один путь», в частности, ее сухопутного трансевразийского проекта «Экономического пояса Шелкового пути». Однако процессы становления и развития данных взаимоотношений прошли сложную историю и первоначально имели довольно скромные стартовые возможности.

Точкой их отчета можно считать начало 80-х годов прошлого века, когда впервые за несколько десятилетий оживляются контакты между Китаем и СССР. Их оживление приходится на непростой исторический период, который отмечен глобальными изменениями — период окончания биполярной системы международных отношений, заката СССР и появления на мировой арене независимых государств Центральной Азии — Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. Поэтому ранний этап оформления и развития торгово-экономических отношений КНР с центрально-азиатскими странами, хронологически охватывающий с 1983 по 1994 гг., вызывает значительный интерес.

Данный период условно можно разделить на три основных этапа:

- 1983–1986 гг. В течение данного этапа в 1983 г. впервые товары китайского производства начали перевозить через центральноазиатскую границу Советского Союза. Но в то же время он отличается жестким регулированием трансграничных обменов СССР и КНР и товарооборот в это время был сравнительно невысоким.

- 1986–1988 гг. На этом этапе была проведена децентрализация торговых обменов между Китаем и Центральной Азией. Поэтому его главными особенностями стало то, что китайские местные и региональные власти могли вести переговоры о заключении соглашений с советскими республиками Центральной Азии, а оно в свою очередь получают возможность вести прямые переговоры с китайскими предприятиями и заключать с ними контакты [2].

- 1989–1994 гг. В конце 1980-х годов так называемые торговцы-«челноки» из Центральной Азии начали совершать регулярные поездки в Китай, что ознаменовало новый этап в коммерческих отношениях. После распада СССР в 1991 г. резко возрос объем «челночных» перевозок из Центральной Азии, к ним также присоединились жители СУАР, которые направлялись в Центральную Азию также для продажи китайские товары. В начале 1990-х годов «челночные» трейдеры занимались индивидуальной трудовой деятельностью, осуществляли мелкомасштабные операции по обмену, использовали для перевозки товаров трансграничное транспортное сообщение, как правило, в обход государственного торгового регулирования [5, р. 334–350].

Итак, период с 1983 по 1994 гг. стал начальным этапом становления китайско-центральноазиатской торговли, которая явилась результатом политико-экономических реформ в КНР и СССР. Последние в свою очередь сопровождались потеплением отноше-

ний между ними в конце «холодной войны», что стало существенной историко-правовой предпосылкой для последующего развития торгово-экономических взаимоотношений Китая с суверенными странами ЦА.

Решающим фактором для становления торгово-экономических отношений между Китаем и Центральной Азией в конце 1980-х годов были политические преобразования в Китае после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Приход к власти Дэн Сяопина (1904–1997 гг.) в ходе третьего пленума XI ЦК КПК, 18–22 декабря 1978 г., положило начало процессу экономических реформ, которые в течение следующего десятилетия окажут преобразующее воздействие на всю страну, включая северо-запад [7, р. 263–264].

В 1981 г. китайское правительство ввело так называемую систему ответственности домохозяйств (*jiating lianchan chengbao zerenzh'i*), в соответствии с которой крестьянским домохозяйствам, пилотно в провинциях Аньхой и Сычуань, было разрешено продавать излишки продукции на нерегулируемых рынках.

Хотя эта инициатива началась в сельских районах, принцип максимизации личной прибыли получил широкий отклик, и к началу 80-х годов в городских районах также начали открываться малые предприятия. Это вызвало двойной резонанс в приграничных регионах Центральной Азии. Во-первых, это свидетельствует о смещении акцента с макроэкономики как единственного приоритета государственного развития. Во-вторых, система внедряла индивидуальное предпринимательство, не мешая государственной торговле. Система ответственности домохозяйств в принципе стала приемлемой для мелкой торговли.

В связи с исторически сложившимся неравенством в развитии между прибрежными и внутренними районами Китая, правительство столкнулось с трудностями в реализации данной политики по всей стране. К примеру, процесс экономической либерализации, идущий в прибрежных районах под управлением Дэн Сяопина, медленно протекал в таких пограничных районах, как Синьцзян, не имеющий выхода к морю. Помимо удаленности, в 1981 г. в регионе проживало всего лишь 12,93 млн. жителей, его общий объем промышленного и сельскохозяйственного производства занимал пятое место среди 29 провинций и городских административных районов. Не менее важно и то, что Синьцзян также является приграничным районом, в котором проживает этнические меньшинства, а граница с враждебным с точки зрения КНР на тот момент Советским Союзом была милитаризована. Все это повлияло на характер и темпы реформ — когда экономическая либерализация пришла в Синьцзян, она первоначально была результатом возрождения конгломерата военных ферм в регионах — Синьцзянского корпуса производства и строительства (СКИП).

В соответствии с новой инициативой по модернизации государственных ферм в Синьцзяне, включая СКИП, поощрялось производить продукцию сверх государственной квоты и продавать излишки на открытых рынках, хотя прибыль не распределялась между рабочими, а направлялась на государственную ферму. К тому же, экономическая база региона являлась слабой, и возникло понимание того, что любые попытки модернизации должны предприниматься с учетом местных

условий. Практика, успешно применяемая в прибрежных районах, не могла применяться к пограничному Синьцзяну. Однако, важным шагом в направлении реализации реформ Дэн Сяопина и открытости внешнему миру стало открытие в 1983 г. аэропорта г. Урумчи — первого и важнейшего торгового пункта Синьцзяна.

Параллельные тенденции перехода к экономической либерализации, допускающей мелкое предпринимательство, и согласованные усилия по обеспечению более широкой открытости для внешнего мира в КНР, и приход М. С. Горбачева к должности генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза в 1985 г., и начало политики «перестройки и гласности» в СССР — взаимодополняющие процессы, стимулирующие индивидуальное предпринимательство — способствовали развитию трансграничной торговли с Центральной Азией. Однако для возобновления торговли через китайско-центральноазиатскую границу необходимо было улучшить отношения между Китаем и Советским Союзом, которые к началу 1980-х годов воспринимали друг друга врагами, а границы считались враждебными и одним из самых милитаризованных линий периода «холодной войны».

До этого времени советско-китайские отношения были напряженными и усугубились в 1962 г., когда около 60 тыс. коренных жителей Синьцзяна мигрировали в советскую Центральную Азию. Миграция была вызвана советской пропагандой в этом регионе КНР, которая обострила недовольство местного населения политикой «Большого скачка» направленной на коллективизацию, трансформации пастбищных земель для сельского хозяйства и создания коммун. В ходе охлаждения китайско-советских отношений и последующей конфронтации в 1960–1970-х годах граница Синьцзян и советской Центральной Азии была сильно милитаризована [8, р. 11–13].

Двусторонние отношения еще более ухудшились после ввода советских войск в Афганистан. Так как китайско-афганская граница напрямую соприкасалась с советским Таджикистаном, то советское присутствие в Афганистане только усилило опасения Китая по поводу советской угрозы. Поэтому вскоре после этого китайское правительство в лице Дэн Сяопина, затем вице-премьера КНР осудили СССР, призвав другие страны выступить против советского гегемонизма и обвиняя его в стремлении к мировому господству. А через год КНР продолжила осуждение СССР за советскую поддержку вьетнамского вторжения в Камбоджу — традиционного союзника Китая.

Однако, несмотря на резкую критику Советского Союза со стороны КНР, в следующем 1982 г. Китай и Советский Союз сделали первые шаги в направлении примирения. Изменение позиции обеих сторон, хотя на данном этапе оно и не столь заметно, было вызвано позицией Р. Рейгана (1981–1989 гг.), который активно выступал за восстановление глобальной мощи США. В связи с чем Вашингтон вызывал куда большее опасение для Москвы, чем Пекин. В частности, поддержка моджахедов в Афганистане со стороны Вашингтона привела к существенному ухудшению отношений между СССР и Соединенными

Штатами. В случае с Китаем позиция администрации Рейгана была выражена в поддержке США Тайваня, которую Пекин рассматривал как зону особого интереса и считал чисто внутренним вопросом [4, р. 326–339].

В этих условиях глава СССР Л. И. Брежнев (1964–1982 гг.) в своей речи в Ташкенте 24 марта 1982 г. обратился к Китаю. Хотя в ней он продолжал критиковать КНР, обвиняя ее в сговоре с ведущим империалистом — Соединенными Штатами, он в то же время делает четыре примирительных замечания:

1. В то время как СССР критиковал политику Китая (включая его внешнюю политику), она никогда не стремилась вмешиваться во внутренние дела страны и никогда не намекала на то, что Китай не является социалистической страной;

2. Советский Союз никогда не поддерживал концепцию «два Китая»;

3. СССР не претендует на китайскую территорию и никоим образом не угрожает Китаю, вместо этого он стремится к взаимоприемлемой делимитации границы;

4. Ссылаясь ранее на дружбу между двумя странами, Советский Союз был готов без каких-либо предварительных условий договориться о мерах, приемлемых для обеих сторон, по улучшению советско-китайских отношений на основе взаимного уважения интересов друг друга, невмешательства в дела друг друга и взаимной выгоде [1, р. 186].

Китай отреагировал на это с осторожностью. Цянь Цичэнь (позже министр иностранных дел Китая), генеральный директор информационного бюро, которому было поручено отвечать на советские предложения, в своем выступлении перед иностранными журналистами сказал, что Китай отметил «то, что сказал Брежнев, но что Китай придает “значение фактическим деяниям Советского Союза”». Позиция Китая заключалась в том, что СССР должен был убрать три основных барьера, прежде чем отношения могли быть нормализованы: вывести советские войска из Монголии, вывести советские войска из Афганистана и убедить Вьетнам вывести войска из Камбоджи. Цянь озвучил эти требования с той целью, чтобы риторика китайско-советских дискуссий сместилась с идеологического момента в плоскость реалистичных вопросов и национальных интересов.

С этого момента китайско-советские отношения вступили в стадию длительных переговоров. Хотя Китай по-прежнему твердо придерживался трех основных требований, связанных с советским влиянием в Афганистане, Камбодже и Монголии, к концу 1982 г. было заключено соглашение о пограничной торговле между китайским и советским министерствами внешней торговли с целью создания торговых пунктов в Хоргосе, связывающих северный Синьцзян с Казахской ССР, и в районе перевала Торугарт соединяющего Западный Синьцзян с Кыргызской ССР. Кроме того, в северо-восточной части Китая, в провинции Хэйлуцзян был открыт торговый пункт с Советским Союзом, а в следующем году был открыт еще один аналогичный пункт между Внутренней Монголией и СССР.

Начиная с 1982 г., нормализация отношений между Китаем и СССР позволила осуществлять обмен това-

рами через границу Центральной Азии. В следующем, 1983, году трансграничная торговля стала одной из мер укрепления доверия. Впрочем, в отличие, к примеру, от торгового пункта на советско-китайской границе в провинции Хэйлуцзян, где местным жителям разрешалось торговать мехами, древесиной, мясом, маслом и другой сельскохозяйственной продукцией, товарообмен вдоль границ Синьцзяна и советскими республиками Центральной Азии строго регулировался. Были согласованы условия обмена — советские грузовики, нефть, прокатная сталь, цемент и химические удобрения в обмен на китайские товары сельского хозяйства и легкой промышленности, торговые посты должны были открыться 1 июля 1983 г. Торговые отношения на данном этапе приняли форму контракта между двумя странами, в котором оговаривались товары и количества, подлежащие обмену в целях обеспечения сбалансированности торговли.

В то время не предполагалось, что возобновление торговли ознаменует новую главу в двусторонних отношениях. В материале агентства Reuters, поданном 28 июня 1983 г. из г. Фрунзе (ныне г. Бишкек), говорится, что отношение советских властей к ним было прохладным: «официальные лица заявили, что возобновление торговли, которое должно начаться через три дня, не получит официального освещения в СМИ». К тому же вскоре официальный старт торговых отношений между КНР и СССР вовсе был отложен. Причиной задержки, инициированной китайской стороной, по словам заместителя министра иностранных дел КНР Цянь Цицэня, послужило наличие «больших разногласий между Китаем и СССР, препятствующих нормализации отношений».

Однако 16 ноября 1983 года открылся торговый пост в Хоргосе и китайцы приняли первые советские грузовики. Объем торговли через Хоргос в 1983 г. составил 25 тыс. тонн и оценивался чуть меньше \$24 млн. В следующие годы, китайская сторона наала рассматривать расширение пограничной торговли, о чем свидетельствует строительство пяти складов и расширение шоссе Урумчи — Инин (Кульджа) до границы в Хоргосе. На советской стороне был построен транспортный узел в Талды-Кургане. Таким образом, контракты увеличились на 16% и составили \$27,6 млн. в 1984 г., а в следующем году достигли \$57 млн. Помимо официальных грузов, перевозимых грузовиками, водители грузовиков возвращались из Синьцзяна с личными покупками (кожаные куртки, термосы, радиоприемники японского производства) и «подарками» (кассетами из КНР и холодильниками из СССР) [10].

Последующее дальнейшее улучшение в китайско-советских двусторонних отношениях, связанное с исторической речью М. С. Горбачева во Владивостоке 28 июня 1986 г., в которой он объявил, что СССР начинает вывод войск из Афганистана. Кроме того, он также призвал к демилитаризации пограничных районов с КНР, совместному пользованию ресурсов реки Амур и предложил построить железную дорогу, связывающую Казахскую ССР и Синьцзян. В итоге в июле 1985 г. Китай объявил о планах строительства железнодорожной линии, которая свяжет Урумчи с Алашанью (Алатау) на советской границе, где она соединится с советской железной дорогой

на станции Дружба (Достык). А в январе 1986 г. Пекин и Москва разрешили региональным властям непосредственно осуществлять пограничную торговлю. С этого же момента начинают организовываться торговые выставки.

К 1989 г. были созданы совместные предприятия металлургических заводов и фабрик по производству красок и удобрений. Универмаги в Алма-Ате и Талды-Кургане налаживали деловые контакты со своими партнерами в Урумчи и Куче. Также открылось автобусное сообщение между г. Панфилов (ныне г. Жаркент) и Инином (Кульдзой), открылись границы для туристов, все больше резидентов из центральноазиатских республик СССР начинают посещать КНР.

Итак, к времени крушению Советского Союза его торгово-экономические связи с соседними районами Китая постепенно развиваются. Товарообороту КНР со странами Центральной Азии, прежде всего, способствовала экономическая либерализация в самом Китае (экономические реформы при Дэн Сяопине), а также политика «перестройки» М. С. Горбачева в СССР, создавшие условия для поощрения индивидуальное трансграничное предпринимательства. Хотя первоначальный объем торговли был мал, это служило мерой укрепления взаимного доверия. Нормализация китайско-советских отношений вкупе с китайскими реформами и советской «перестройкой» привели к возобновлению коммерческого обмена через китайско-центральноазиатскую границу.

Фактически к концу десятилетия были выполнены все предварительные условия для свободного перемещения товаров через общую границу Синьцзяна и советских республик в Центральной Азии. В этих целях начинает постепенно налаживаться транспортная инфраструктура, снимаются ограничения, запрещающие гражданам с любой стороны въезжать в другую страну для осуществления личной или коммерческой деятельности. Что в итоге приводит к росту различных видов коммерческой деятельности: пограничной торговли на государственном и локальном уровне, организации взаимных торговых ярмарок и выставок, налаживанию деловых контактов и пр. Отдельным феноменом трансграничных советско-китайских связей в Центральной Азии становится появление феномена торговцев-«челноков».

На рубеже 1980-х и 1990-х годов происходит повсеместно крушение коммунистических режимов в Восточной Европе после череды так называемых «бархатных революций». Существенно сдает свои позиции и Советский Союз. Тем не менее, во время своей поездки в Москву в апреле 1990 г. премьер-министр КНР Ли Пэн подчеркнул значимость для КНР сохранения тесных отношений с СССР после событий на площади Тяньаньмэнь и последующей международной изоляции Китая.

С распадом СССР в 1991 г. и обретением независимости центральноазиатскими республиками трансграничная торговля продолжит расти по двум причинам: внутренняя динамика реформ в Китае и резкий экономический спад в постсоветских республиках, который привел к вовлечению в «челночную» торговлю с КНР беспрецедентного количества людей в них.

Развитию этих процессов во многом способствовали реформы в Северо-Западном Китае, которые с 1990 г. ки-

тайским руководством здесь в заметной мере ускоряются, расширив свою открытость для Центральной Азии. И далеко не последним фактором в этом была возможность расширения торгово-экономических связей с западными соседями, в которых Пекин вполне обосновано видел источник для развития этой части Китая. Поэтому еще со второй половины 1980-х годов расширение трансграничной торговли также было обусловлено передачей полномочий по принятию решений местным органам власти. К 1986 г. власти в Синьцзяне получили существенную самостоятельность в развитии приграничной торговли. В 1988 г. она была передана уже на уровень префектур и уездов, а к 1992 г. — на уровень округов. До начала 1990-х годов политическая элита Синьцзяна выступала за продолжение трансграничной торговли в качестве средства укрепления экономической базы [10].

Начиная с восьмого пятилетнего плана (1991–1995 гг.) Государственный совет КНР сосредоточил свое внимание на западных районах. Учитывая удаленность Синьцзяна и его ограниченную инфраструктуру, модернизация пограничной торговли считалась наиболее эффективным и непосредственным способом ускорения регионального экономического развития. Растущий дисбаланс между прибрежными районами и внутренними районами порождал все более острую необходимость развития западных районов. В декабре 1990 г. Дэн Сяопин отметил, что такое положение может привести к напряженности в отношениях на межэтническом уровне в данном регионе Китая, так как во многом приграничная торговля развивалась в районах, населенных этническими меньшинствами.

В 1991 г. центральноазиатские республики провозгласили независимость: Кыргызстан и Узбекистан — 31 августа, Таджикистан — 9 сентября, Туркменистан — 27 октября и Казахстан — 16 декабря. Хотя Россия оставалась доминирующим торговым партнером Центральной Азии, новые независимые государства постепенно расширяют и углубляют торговые связи с Китаем. Что нашло свое отражение закономерное отражение в статистических данных об официальной торговле между Китаем и Центральной Азией в последующие годы: \$459 млн. в 1992 г., \$608 млн. в 1993 г., \$578 млн. в 1994 г., \$782 млн. в 1995 г. и \$775 млн. в 1996 г. [3]. Как из нее видно, с обретением независимости пятью центральноазиатскими государствами начинается быстрый рост их торгового оборота с Китаем.

В то же время китайское руководство также активно стремилось к более глубоким коммерческим связям с Центральной Азией в рамках политики экономических реформ в самом Китае. В сентябре 1992 г. премьер-министр КНР Ли Пэн лично посетил на первую торговую ярмарку в Урумчи, на которой присутствовали правительственные чиновники и торговцы из Центральной Азии. В своем приветственном выступлении на ее официальном открытии он отметил, что построение «социализма с китайской спецификой» (*Zhongguo tese shehuizhuyi*) — это следование реформам и открытости, и в рамках этого курса для Китая наступил благоприятный момент для развития приграничной торговли, которая, несомненно, должна иметь долгосрочный и стратегический характер.

Для расширения приграничной торговли в июле 1992 г. Государственный совет КНР принял преференциальных мер, включая:

- открытие новых приграничных торговых пунктов;
- обновление транспортной и логистической инфраструктуры в Синьцзяне, начиная с Урумчи;
- предоставление поселков и городам, расположенным в приграничных районах — в первую очередь, Боле (Боротала), Тачен (Чугучак) и Инин (Кульджа), полномочий на развитие торговли с Центральной Азией;
- разрешение городам, уездам и префектурам в южной части Синьцзяна создавать пограничные торговые предприятия с минимальным государственным контролем;
- поощрение местных средних и крупных предприятий к участию в пограничной торговле [9].

Кроме того, большое значение в трансграничной торговле играли «челночные» трейдеры из Синьцзяна, доставлявшие товары на такие крупные транзитные рынки, как Дордой, хотя к середине 1990-х годов мелкой торговле с Китаем мешала оптовая торговля со стороны Хэйлуцзяна. В то же время все более настороженное отношение к транснациональным исламистским волнениям в независимой Центральной Азии негативно сказалось на возможности коренных народов Синьцзяна торговать с Центральной Азией к середине 1990-х годов. Однако, несмотря на данное обстоятельство, происходит заметное увеличение объемов приграничной торговли, что отразилось на количестве людей, посетивших этот регион в торгово-экономических целях. К примеру, в 1992 г. оно составило 130 тыс. человек из бывшего СССР, преимущественно из стран Центральной Азии, а в 1993 г. число прибывающих из Кыргызстана, Узбекистана и Пакистана уже достигало 500 чел. в день [6].

Ключевым фактором, влияющим на рост торговли приграничных районов и независимых республик Центральной Азии, было то, что в первые годы независимости ВВП постсоветских стран, в том числе и Кыргызстана, резко сократился, значительная часть промышленных предприятий перестает работать, безработица достигает критического уровня. Для людей различных профессий (учителя, инженеры, рабочие и пр.) торговля с Китаем стала средством выживания в переходный период. К тому же наличие такого феномена как торговцев-«челноков», обладавшие огромной мобильностью, открывали тем самым новые возможности в торгово-экономических отношениях двух стран, а также в определенной мере способствовали дальнейшему политическому сближению КНР и стран Центральной Азии, так как их активность требовала соответствующего договорного оформления.

В период с 18 по 28 апреля 1994 г. премьер-министр КНР Ли Пэн посетил с официальным визитом Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан, во время которого говорил о диверсификации сотрудничества, совместной разработке природных ресурсов региона, улучшении путей сообщения и предоставлении китайской помощи молодым экономикам региона. И что немаловажно — он предлагал реализовать сотрудничество по данным направлениям под эгидой строительства «Нового Шелкового пути». Вследствие этого все чаще употребляются

в китайской политической риторике понятия, описывающие евразийскую интеграцию как «Новый шелковый путь», «Экономический пояс Шелкового пути» и т. п., иллюстрируя формирование качественно новой внешнеполитической концепции КНР по отношению к странам Центральной Азии. Руководствуясь новым курсом, Китай в последующие годы существенно углубил свое экономическое и стратегическое взаимодействие с регионом при сотрудничестве с Россией. В частности, в 1996 г. в рамках Шанхайского форума была начата многосторонняя дипломатия, параллельно с двусторонним взаимодействием и увеличением инвестиций, главным образом, в энергетический сектор стран, которая вскоре приводит к образованию новой региональной международной организации — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)

Риторика «Шелкового пути» в политических дискуссиях является продуктом периода после окончания «холодной войны», в основе которой лежит концепция необходимости построения трансевразийской модели экономической интеграции. При этом очень важно рассматривать ее в тесной взаимосвязи с понятием «китайской мечты» (Chinese Dream, Zhongguo meng), поэтому неудивительно, что у истоков экономической интеграции в рамках Евразийского континента стоит современный Китай. По этой причине предложенный и активно реализуемый Си Цзиньпином проект «Экономический пояс Шелкового пути» во многом восходит к визиту Ли Пэна в 1994 г. в государства Центральной Азии и является долгосрочной стратегией в регионе для КНР, стремящегося к ключевой роли в Евразии.

Литература

1. Brezhnev L. *President Brezhnev's Speech / L. Brezhnev // Survival: Global Politics and Strategy.* — 1982. № 24 (4). — P. 186.
2. *Dangdai Zhongguo dui wai maoyi [Современный Китай и внешняя торговля].* — Beijing: Dangdai Zhongguo chubanshe, 1992. — 1323 p.
3. *Jiefangjun bao // FBIS-CHI93-05117.* — Mapm. 1993.
4. Hilali A. *China's Response to the Soviet Invasion of Afghanistan / A. Hilali // Central Asian Survey.* — 2001. № 20 (3). — P. 323–351.
5. *Karrar H. The resumption of Sino-Central Asian trade: confidence building and reform along a Cold War fault line / H. Karrar // Central Asian Survey.* — 2016. № 35 (3). — P. 334–350.
6. *Karym kyzy G. Kyrgyz Shuttle Trade in Crisis // CACI Analyst. August 1. 2001: saym. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.cacianalyst.org/publications/field-reports/item/7347-field-reports-caci-analyst-2001-8-1-art-7347.html> (дата обращения 13.03.2021)*
7. *Millward J. 2007. Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. / J. Millward.* — New York: Columbia University Press, 2007. — 440.
8. *The International Situation. Beijing Review.* — January 5. 1981.
9. *Xinhua // FBIS-CHI-92-1293.* — Июль. 1992.
10. *Xue J., Xing G. Zhongguo yu Zhongya [Китай и Центральная Азия]. / J. Xue, G. Xing.* — Beijing: Shehui

kexue chubanshe, 1999. — 275 p.